

Глава 9

— Ты...

Цзи Сюнь подпёр щеку ладонью, небрежно облокотившись на подлокотник кресла. Несколько черных прядей запутались между его длинными пальцами. Ему было лень даже лишний раз открывать рот, и слова лениво слетали с его губ:

— Неужели Чу-хоу не желает лично открыть ларец и проверить его содержимое?

Галерея выходила на открытое пространство, и порывы ледяного ветра заставляли её гудеть. Спина Чу Цзина мгновенно покрылась холодным потом.

«Чжаоцзян убит?»

Невозможно.

Цзи Сюнь пришёл в себя всего два дня назад, а Чу Чжаоцзян скрывался в загородном поместье. Откуда у князя время и силы, чтобы выследить его и лишить жизни? К тому же, какая выгода Цзин-вану от смерти юноши?

В этот критический миг маркиз всё ещё сохранял остатки рассудка. Но стоило ему проанализировать все «за» и «против», как в голову ворвалась иная, пугающая мысль.

«А если всё же...»

Несколько лет назад на Цзи Сюня было совершено дерзкое покушение. Убийца пробился сквозь ряды охраны и нанёс удар — лезвие прошло в паре сантиметров от сердца. Цзи Сюнь, истекая кровью, схватился за острое меча и расхохотался. Он похвалил нападавшего за отвагу и бесстрашие, после чего отпустил его, не причинив ни единого вреда.

В том же году на осенней охоте дворцовый слуга неосторожно качнул светильником, и свет ослепил князя. Невзирая на присутствие императора, Цзи Сюнь собственноручно казнил беднягу на месте. Тело вывесили перед шатром, что вызвало бурю негодования при дворе. На него посыпались жалобы, и в наказание Ванъе лишили жалованья на три месяца.

Этот человек был безумцем в самом прямом смысле слова. Он действовал, повинувшись лишь минутному настроению, и его поступки не поддавались никакой логике.

Капля пота скатилась со лба Чу Цзина. В горле пересохло, он несколько раз попытался заговорить, но не смог издать ни звука.

Цзи Сюнь проявил милосердие:

— Чжуншань.

Инь Чжуншань с каменным лицом рванул железную защелку.

Зрачки Чу Цзина судорожно расширились.

Мгновения растягивались, словно вязкая смола. Крышка ларца наконец откинулась, обнажая окровавленную прядь волос.

Мир перед глазами Чу-хоу поплыл, белки глаз мгновенно налились багрянцем. Он больше не мог сохранять самообладание и, исказив лицо в яростном оскале, взревел:

— Цзи Минчэнь!.. Ты совсем обезумел?!

Князь давно привык к проклятиям. Он не только не рассердился, но даже неспешно улыбнулся и мягко осведомился:

— С чего бы Чу-хоу так сокрушаться?

Чу Цзина колотила крупная дрожь:

— Этот брак дарован самим императором! Ты осмелился пойти против его воли... Ты презираешь небесную власть! Ты... ты замыслил мятеж?!

Видя, что собеседник от ужаса начал нести околесицу и даже обвинять его в государственной измене, Цзи Сюнь не выдержал и звонко расхохотался.

На ветвях сливы лежал иней, похожий на снег. Цзи Сюнь сидел под этим белоснежным цветением, словно наслаждаясь великолепным представлением. Его глаза весело сузились, неприбранные волосы беспорядочно рассыпались по плечам, а алые губы делали его похожим на демона, явившегося за чужой душой.

И демон, смеясь, произнес:

— Похоже, этот подарок пришелся Чу-хоу по вкусу куда больше.

Чу Цзин был вне себя от ярости и страха. Во рту появился солоноватый привкус крови, рассудок почти покинул его. Но стоило Цзи Сюню отсмеяться, как он небрежно взмахнул золотым посохом с навершием в виде голубя.

Инь Чжуншань перевернул ларец, вытряхивая содержимое на землю.

Там была лишь прядь волос, испачканная кровью.

Чу-хоу замер.

Прядь была стянута золотой заколкой — именно той, что была на Чу Чжаоцзяне, когда он покидал усадьбу.

В одно мгновение испепеляющий гнев сменился ледяным ужасом. Чу Цзин осознал...

Он сболтнул лишнего.

Человеком, вступившим в брак с Цзи Сюнем, уже стал Чу Чжаохуай. Даже если бы Чжаоцзян погиб от рук князя, это сочли бы лишь очередной вспышкой безумия, за которую полагался штраф. Никто, кроме императора, не посмел бы тронуть Цзи Сюня, да и тот не стал бы карать его смертью — разве что за мятеж.

Поглаживая наверх посоха, Цзи Сюнь с улыбкой произнёс:

— Я лишь заметил, что эта золотая заколка весьма редка, и решил вернуть её владельцу. К слову... откуда взялись эти речи о «нарушении указа»?

Чу Цзин стоял ни жив ни мёртв, не зная, что ответить. К его удивлению, князь не стал цепляться за это признание — похоже, он и впрямь хотел лишь вручить подарки.

— Раз уж дары приняты, я откланиваюсь.

Инь Чжуншань развернул кресло.

Чу-хоу инстинктивно подался вперёд:

— Постойте...

Цзи Сюнь бросил на него косой взгляд:

— У маркиза есть другие дела?

После всех потрясений мысли в голове Чу Цзина путались, но остатки здравого смысла подсказывали: сейчас не время задавать глупый вопрос о том, в чьих руках находится его сын.

После долгой борьбы он выдавил сквозь зубы:

— Доброго пути, Ванъе.

Колёса кресла покатались по камням, залитым кровью. Смеясь, Цзи Сюнь покинул двор.

Чу Цзин не знал, как быть с разбросанными головами, и от невыносимой головной боли его едва не мутило, когда вдруг раздался резкий вскрик.

— А-а-а!..

Обернувшись на звук, он увидел госпожу Чжэн. Она вышла из галереи и, завидев мертвецов с остекленевшими глазами, в ужасе осела на пол, едва успев ухватиться за колонну.

— Хоу... Хоуе?..

Чу Цзин зажмурился и с трудом произнёс:

— Позови слуг. Пусть уберут это.

Госпожа Чжэн догадалась, чьих рук это дело. Превозмогая дурноту, она попыталась подняться, когда услышала безжизненный голос мужа:

— И пошли кого-нибудь в загородное поместье. Пусть проверят.

Она замерла:

— Поместье?.. Чжаоцзян может вернуться?

Чу Цзин побледнел и горько усмехнулся.

Личная водная яшма сына, которую тот всегда носил при себе, оказалась у Цзи Сюня, да ещё и в крови. Мальчишке явно пришлось несладко, и неизвестно, найдут ли его в том поместье живым. О каком возвращении может идти речь, когда на кону сама жизнь?

***

Банкет в честь возвращения домой не продлился и часа — Цзин-ван распорядился ехать обратно.

У ворот усадьбы стражники погрузили в экипаж старый, обшарпанный комод Чу Чжаохуая. Глядя в полупустой салон кареты, лекарь невольно прижал руку к груди.

Цзи Сюнь и впрямь оставил те три сундука с «подарками» в доме маркиза.

«Ну и транжира»

Вскоре послышался приглушенный стук колес кресла. Хозяин усадьбы при помощи Инь Чжуншаня поднялся в карету.

Чжаохуай поспешно подскочил к нему, приподнимая завесу. На этот раз он не стал забиваться в дальний угол, как по дороге сюда, а, напротив, уселся поближе к мужу.

Инь Чжуншань замер, не зная, что сказать.

Обычно, когда незнакомец нарушает личное пространство, это вызывает инстинктивное раздражение — тем более у человека с таким властным нравом, как у Цзи Сюня. Командир стражи был уверен: сейчас беднягу Чжаохуая выставят из кареты.

Он даже не тронулся с места, ожидая приказа князя.

Цзи Сюнь уже хотел было что-то сказать, но, заметив застывшего подобно столбу Инь Чжуншаня, выгнул бровь и вежливо произнёс:

— Путь до усадьбы неблизкий. Может, мне стоит подвезти и господина командующего?

Инь Чжуншань: «...»

«Значит, не прогонит?!»

подавляя бурю в душе, Инь Чжуншань поспешно поклонился и спрыгнул с подножки.

Чу Чжаохуай, уплетая один за другим чабины, весь пропитался тонким чайным ароматом. Когда он придвинулся ближе, Цзи Сюнь словно ощутил дуновение мягкого облака.

Ни шуйюй, ни списка приданого в доме маркиза так и не выдали, да ещё и сундуки пришлось оставить. Юноше было горько возвращаться с пустыми руками. Водная яшма его не слишком заботила, но он надеялся припугнуть отца и заставить его вернуть то, что тот прикарманил.

— Ванъе, мы возвращаемся домой?

Цзи Сюнь спросил:

— У Ванфэй осталось что-то ещё?

— Да нет, пожалуй.

Едва он договорил, как снаружи раздался голос управляющего усадьбой маркиза:

— Ванъе, Ванфэй!

Чжаохуай отодвинул занавеску. Управляющий, низко кланяясь, держал над головой поднос. На нём лежала та самая водная яшма с иероглифом «Цзян» и позолоченный свиток с перечнем приданого.

Глаза лекаря азартно блеснули.

«Неужели Чу Цзин на этот раз решил не позориться и сдержал слово?»

Похоже, слава Цзин-вана всё же принесла плоды.

Чжаохуай положил список на колени и медленно поднял за шнурок изящный кусок водной яшмы. Редкая, прозрачная как слеза, она стояла баснословных денег.

В детстве он грезил об этом украшении. Ему казалось, что обладание им принесет с собой и отцовскую любовь. Теперь же, когда вещь была у него в руках, он не видел в ней ничего ценного.

Камень медленно вращался на шнурке, и лучи зимнего солнца играли на его гранях, делая похожим на осколок вечного льда.

Чжаохуай разжал пальцы.

Яшма сорвалась вниз и с резким сухим звонком разлетелась на куски о булыжники мостовой. Иероглиф «Цзян» раскололся надвое.

Управляющий остолбенел.

Чжаохуай картинно охнул и улыбнулся ему:

— Ой, рука соскользнула.

Цзи Сюнь наблюдал за этой сценой с едва заметной усмешкой.

Управляющий не посмел возразить и лишь пробормотал:

— В кладовых усадьбы уже готовят остальное приданое, о котором позабыли в суете. Вечером всё доставят в ваш дом.

Чжаохуай просматривал список, но на этих словах замер.

«Забывтое приданое?»

Тут что-то не так. С чего бы Чу Цзину так охотно отдавать то, что он уже присвоил?

Прежде чем лекарь успел что-то сказать, Цзи Сюнь мягко произнёс:

— Маркиз Чу столь занятой человек, что запомнил о приданом? Как же его память могла подвести сильнее моей? Раз так... Чжуншань, останься здесь со своими людьми. Дождись, пока в доме всё соберут, и лично сопроводи груз до нашей усадьбы.

Инь Чжуншань ответил:

— Слушаюсь.

Чжаохуай с изумлением посмотрел на князя. В знатных семьях утаивание приданого считалось позором. Чжэньюань-хоу явно хотел отправить вещи втихомолку, чтобы сохранить остатки чести. Но Цзи Сюнь решил иначе: оставив Инь Чжуншаня и целую толпу стражников, он превратил это в зрелище, о котором к вечеру узнает вся столица.

Тяжесть, копившаяся в груди Чжаохуая весь день, наконец начала отступать. Последние капли страха перед Ванье исчезли.

«Ванье столь могуществен и при этом так внимателен... Неужто в столице все ослепли, раз дурная слава о нем докатилась до самой Цзяннани?»

Похоже, он зря верил слухам.

Сейчас Чжаохуай не мог просто уйти, поэтому ему оставалось лишь скрывать правду. Вещи госпожи Бай могли подождать в доме маркиза, ведь рано или поздно он их заберет.

А вот Чу Чжаоцзян — человек живой. Пока Чжаохуай остается в роли Ванфэй, брату придется скрываться в тени. И чем дольше это будет длиться, тем сильнее будет нервничать Чу Цзин.

Мысли, спутавшиеся от гнева, наконец прояснились. Сейчас главным было не выдать себя.

Когда все приготовления были закончены, карета плавно тронулась.

Чжаохуай с упоением перечитывал список. Возвращенные богатства радовали сердце, и даже сквозь черную вуаль было заметно, как горят его глаза.

Цзи Сюнь отхлебнул холодного вина и, задумчиво глядя на спутника, внезапно спросил:

— У Ванфэй есть второе имя?

Чжаохуай, не отрываясь от списка, машинально ответил:

— Есть... Жуншуй.

Язык сработал быстрее рассудка. Стоило словам сорваться с губ, как он осознал свою ошибку. Его дед, боясь не дожить до совершеннолетия внука, дал ему это имя заранее. Он почти не пользовался им.

«Есть ли второе имя у Чжаоцзяна?»

Сердце испуганно екнуло, но менять слова было поздно, и он лишь замолчал, не смея поднять глаз.

Цзи Сюнь усмехнулся:

— Жуншуй? Красивое имя. Смотри, Ванфэй, прячь его получше, а не то какая-нибудь знатная девица приметит его и заберет себе силой.

Чжаохуай: «...»

От этой колкости он лишился дара речи. Сжимая в руках список, он лишь тихо убеждал себя:

«Ладно, ладно... Ради этих сокровищ можно и потерпеть его язвительность. Главное, что он не догадался, кто я на самом деле»